

В конце концов, все они были военачальниками и привыкли решать вопросы силой. Теперь, когда Кан Хун покончил с собой, страшась наказания за свои преступления, оставшимся командирам нужно было найти нового господина и устроить свое будущее. Раньше они слышали лишь о свирепой славе Бэйчжань-вана. Хотя они восхищались им, служить под его началом никогда не стремились. В конце концов, ужиться с полководцем, проливавшим кровь без счета, казалось невозможным. Однако встретившись с Сяо Чжигэ лично и увидев выучку и дух армии Яньчжоу, они наконец поняли, насколько обманчивы бывают слухи. Бэйчжань-ван действительно напоминал хладнокровного асуру, но кровожадным монстром не был. К подчиненным он относился строго по справедливости — щедро награждал и карал по заслугам, — а к простому народу проявлял милосердие. Когда все опасения развеялись, командиры, посоветовавшись, принесли Сяо Чжигэ полную присягу верности.

Сяо Чжигэ твердо придерживался правила: доверяешь человеку — задействуй его, сомневаешься — не привлекай к делу. Прибыв в Юнчжоу, он изучил бумаги и доклады, подготовленные Се Лином, вызвал командиров к себе и щедро вознаграждал по заслугам, окончательно успокоив их сердца. После этого он поручил им управление всеми текущими делами Юнчжоу.

На этом работа в Юнчжоу была завершена. Двадцать пятого числа первого месяца Сяо Чжигэ во главе двадцатитысячного войска Яньчжоу отправился в столицу, везя с собой преступников и улики, чтобы доложить о выполнении поручения.

*

К Ецзину они прибыли уже во втором месяце. Весенний ветер топил снега, природа пробуждалась к жизни. Двадцатитысячное войско Яньчжоу встало лагерем в ста ли от столицы, а Бэйчжань-ван Сяо Чжигэ всего с сотней личных охранников лично доставил преступников и бунтовщиков в город.

В тот день во дворце император Аньцин восседал на драконьем престоле, время от времени глухо кашляя.

— Призвать Бэйчжань-вана!

Прошло не больше полугода, а он сильно постарел, и даже в его голосе звучала бессильная слабость.

Евнух рядом с ним пронзительно выкрикнул указ, и слуги подхватили глашатай клич один за другим, пока он не вылетел за пределы величественного зала.

Сдав копьё слугам и сняв боевые доспехи, Сяо Чжигэ широким шагом направился в зал дворца.

Придворные стояли двумя шеренгами, между которыми тянулась дорожка с ковром, украшенным темно-золотыми драконьими узорами. Сяо Чжигэ ступил на нее с невозмутимым спокойствием. Сановники втайне разглядывали его и вдруг с изумлением осознали: с тех пор как Бэйчжань-ван женился и вновь уехал в Яньчжоу, свирепая жестокость в его взгляде разгладилась, уступив место едва уловимому величию правителя.

Чего уж говорить о наследном принце или третьем принце — даже сам император Аньцин, восседающий на престоле, в молодости уступал своему второму сыну.

Стоявший в первых рядах юйши-дафу Цзи Аньминь тоже про себя одобрительно кивнул. Возможно, остальные этого не заметили, но он разглядел: когда Сяо Чжигэ спрятал свою

обузданную свирепость, он стал до удивительного похож на императора Тай-цзу в зрелые годы.

Клинка, который бездумно вынимают из ножен и проливают им кровь без надобности, по-настоящему не боятся. Но когда у этого клинка появляется собственная воля и он учится прятать свое лезвие — вот тогда и следует насторожиться.

Восседавший на троне император Аньцин прищурился. Глядя на сына, становившегося все более чужим, он изо всех сил выпрямил спину и, постаравшись придать дрожащему голосу твердость, произнес:

— Второй сын на этот раз отлично справился.

Сяо Чжигэ опустился на одно колено:

— Лишь по счастливой случайности я не разочаровал Августейшего родителя.

Император Аньцин неопределенно усмехнулся. Его глаза, похожие на взор теряющего силы свирепого зверя, пристально въелись в Сяо Чжигэ. За похвалой сразу последовало обвинение:

— Хотя у тебя есть заслуги в подавлении мятежа, Мы получили немало доносов с обвинениями. Взгляни сам.

С этими словами главный евнух, стоявший подле него, поднес Сяо Чжигэ стопку доносных докладов.

Сяо Чжигэ мог даже не открывать их, чтобы знать содержимое. За спиной как Цзоцю, так и Кан Хуна стояли влиятельные покровители. Он казнил их без промедления, так что кто-то неизбежно должен был призвать его к ответу. К тому же многие знатные кланы столицы год за годом поддерживали пышный фасад за счет подношений южных богачей и землевладельцев. А теперь эту жирную свинью, которую следовало лишь доить да понемногу пускать ей кровь, он забил насмерть, да еще и содрал с нее шкуру. Несложно было догадаться, что эти люди за его спиной уже скрипели зубами от ненависти.

Сделав вид, что бегло просмотрел бумаги, Сяо Чжигэ отбросил доклады в сторону и сурово произнес:

— Коли захочешь обвинить — предлог всегда найдется! Цзоцю бежал с поля боя и бросил жителей Цинчжоу на произвол судьбы. Он недостойн был называться командующим города, и без его казни не утихомирить народный гнев. Что же до Кан Хуна, то он содержал личное войско, вступил в сговор с бунтовщиками, подстрекая беженцев к восстанию, и намеревался учинить мятеж. Свидетельства и улики налицо. Он покончил с собой из страха перед карой — какое отношение это имеет к вашему слуге?

После чего добавил:

— Хотя Кан Хун покончил с собой, основные сообщники уже доставлены в столицу. В этом деле остается немало сомнительных деталей. Кабы в поднебесном совете не укрылись приспешники Кан Хуна, ваш сын готов объединить усилия с председателем Храма Дали для тщательного расследования, чтобы никому не дать поблажки!

Кан Хун был прямым подчиненным дачжугу Сюэ Ци и вместе с Шу Линтин из Юйчжоу составлял правую и левую руки Сюэ Ци. А законная супруга Сюэ Ци приходилась родной теткой Шу-гуйфэй — и это ни для кого не было тайной. Внешне Сяо Чжигэ выражал готовность

расследовать дело до конца, но на самом деле стремился принудить фракцию третьего принца заткнуться.

В конце концов, у одного лишь Кан Хуна ни за что не хватило бы дерзости подстроить подмену и укрывать личное войско. Если вести расследование и дальше, третий принц неминуемо окажется замешан.

После событий в Цинчжоу и Юнчжоу как наследный принц, так и третий принц возненавидели его до глубины души. А видя, как его слава и уважение в народе стремительно растут, затмевая их обоих, они невольно почувствовали угрозу.

Хотя по обычаю Сяо Чжигэ, взявший мужчину в супруги, ни при каких обстоятельствах не мог быть назначен преемником императором Аньцином, огромная военная сила в его руках заставляла проявлять крайнюю осторожность. Враг моего врага — мой друг: вернувшись в Ецзин, Сяо Чжигэ прекрасно понимал, что обе фракции временно заключат перемирие, чтобы вместе подать на него донос и сбить его спесь.

Однако на всякую хитроумную уловку у него находился свой ответный ход.

Сяо Чжигэ заранее заготовил ответные меры: едва прозвучали его слова, как чиновники из партии третьего принца моментально смолкли. Придворные же из фракции наследного принца, годами враждовавшие со сторонниками третьего принца, инстинктивно подхватили идею и стали поддакивать, требуя проведения полного расследования.

Так едва образовавшийся союз вмиг развалился.

Император Аньцин не выказал ни одобрения, ни возражения по поводу расследования. В государственных делах он с каждым днем чувствовал все большее бессилие, и больше всего его волновала личная выгода. Уставившись в Сяо Чжигэ мутным взором, император Аньцин хрипло произнес:

— Это дело Мы поручаем председателю Храма Дали, тебе в нем участвовать незачем. Мы слышали... ты конфисковал имущество семьи Ши? Семья Ши — многопоколенные гиганты торговли в Да Е. Судя по количеству серебра, золота и диковинок, доставленных в Ецзин... при их сказочном богатстве сумма должна быть куда больше, верно?

Богатство семьи Ши — вот что заботило его превыше всего.

Какая уж тут честь, когда перед носом лежит такой лакомый кусок: императорский двор просто не мог оставаться равнодушным. Вот только император Аньцин хотел денег, но не желал жертвовать репутацией и навлекать на себя дурную славу. И хотя он жаждал прибрать к рукам богатства семьи Ши, все эти годы ему оставалось лишь смотреть со стороны.

Прослышав, что Сяо Чжигэ разорил и конфисковал имущество семьи Ши, он даже проникся редким чувством: нелюбимый второй сын наконец-то сделал нечто угодное. Однако когда изъятые средства доставили в казну, а император Аньцин заглянул в счетоводные книги, его охватили изумление и гнев.

Но открыто заявить, будто он подозревает второго сына в утаивании денег семьи Ши, император не мог, а потому лишь задал этот вопрос на глазах у всей палаты сановников.

Сяо Чжигэ посмеялся про себя, но на лице сохранил суровую почтенность:

— Августейший родитель преисполнен мудрости! Когда ваш слуга проводил конфискацию, его терзали те же сомнения. Все изъятое у семьи Ши имущество внесено в опись. Пахотные земли пошли на устройство беженцев. Небольшая часть золота и серебра потрачена на помощь пострадавшим от бедствия и пополнение местной казны. Остальные же драгоценные металлы, сокровища и редкие утвари были в полном объеме отправлены в Ецзин.

С этими словами он велел евнухам внести в зал счетоводные книги Цинчжоу по обустройству беженцев и помощи пострадавшим, чтобы председатель Храма Тайфу смог их проверить. Председатель Храма Тайфу, господин Ли, был человеком прямодушным и честным. Бегло просмотрев реестры прямо в зале, он доложил:

— Позвольте доложить вашему величеству: беглый осмотр показывает, что все суммы сходятся. Однако для более подробной проверки потребуется еще несколько дней.

Император Аньцин хранил молчание, лицо его потемнело.

Однако Сяо Чжигэ продолжал:

— Что касается богатств семьи Ши, у вашего слуги тоже возникали вопросы, и он приказал провести расследование. Выяснилось, что глава семьи Ши, Ши Кайжэнь, держал бесчисленное множество наложниц и певиц, родивших ему немало дочерей. Их он выдавал замуж в качестве наложниц за различных чиновников, и, говорят, приданое при этом давал колоссальное...

Он не успел договорить и половины, как чиновники из партии наследного принца побледнели.

Что уж говорить о прочих, когда в самом Восточном дворце жила одна из дочерей семьи Ши? Разве дочь семьи Ши получила исключительный статус лянди при наследном принце не именно благодаря сулившейся за ней огромной выгоде? Не говоря уже о том, что семья Ши плела раскидистую сеть: помимо законной дочери в Восточном дворце, они раздали множеству чиновников и своих побочных дочерей. В этот самый миг среди стоящих в зале сановников находились те, в чьих домах укрывались красавицы-наложницы из семьи Ши...

В зале поднебесных заседаний воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает иголка. Сяо Чжигэ окинул присутствующих взглядом, и в уголке его губ мелькнула едва заметная усмешка.

Автор хочет сказать:

Сюнсюн: Пока козлов отпущения достаточно, никто и не узнает, что деньги утекли ко мне в карман :)

У Ши Кайжэня была целая орава жен и наложниц. Законная дочь родилась всего одна, зато побочных — почти два десятка. Если семья Ши ради заискивания перед знатью выдавала дочерей замуж с непомерным приданым, а к этому добавились мотовская жизнь самой семьи Ши и ежегодные подношения в Ецзин, то нет ничего удивительного в том, что при конфискации осталось лишь это. К тому же, кроме золота, серебра и сокровищ, в Цинчжоу осталась недвижимость — земли и лавки, — коих в сумме набралось немало.